

Г л а в а
О д и н н а д ц а т а я

НАЧАЛО СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ
От «Журнала Министерства
Народного Просвещения» –
к журналу «Народное просвещение»

Сейчас легче всего хулить былых кумиров. Особенно усердствуют в этом недавние профессиональные ленинцы, возводившие вождю целые храмы из словесных заклинаний — Александр Яковлев, Яковлев Егор... Нам не следует заниматься тем, что так хорошо получается у доблестных ниспровергателей. Мы попытаемся относиться к истории с исследовательской ра-

чительностью. И ленинская цитата, и стихотворение Демьяна Бедного вводят нас в контекст ошеломляющей эпохи. Стихотворение, очень точно выражающее настроение послереволюционной (разумеется, с преувеличенными упреками царскому прошлому) агитационной образовательной политики, было написано Демьяном Бедным в 1920 году. А с 1917-го по 1920-й наш журнал, вместе со всей страной, пережил слом эпох, Гражданскую войну, распад страны... Радловский «Журнал Министерства Народного Просвещения» ещё в 1914 году перешёл на военное положение, публикуя царские указы и министерские циркуляры, связанные с реалиями Первой мировой. В феврале 1917 года Николай II отрекается от престола. Отрекается и его младший брат Михаил Александрович. К ликованию многих Российская империя

Мы на всей линии своей просветительской работы не можем стоять на старой точке зрения об аполитичности просвещения, не можем ставить на просветительскую работу вне связи с политикой. Во всех буржуазных государствах связь политического аппарата с просвещением является чрезвычайно крупной, хотя признать это прямо буржуазное общество не может. Между тем это общество обрабатывает массы через церковь, через весь институт частной собственности.

В.И. Ленин

В.И. Ленин немало говорил и писал о просвещении. Эти его строки были напечатаны в нашем журнале восемьдесят лет назад.

Власть царская народ держала в нищете,
И в нищете и в темноте.
Народной темнотой держалось наше горе.
Друзья, подумайте о том, что на Руси
Люд грамотный — что капля в море.
Иного мудрость вся — три буквы на заборе
Да «отче наш, иже еси».
И вас, читающих простые эти строки,
Молю я: взяв из книг хорошие уроки,
Делитесь потом усвоенным добром
С тем, кто с хромым умом и кто с душой слепую
Бредет, безграмотный, извилистой тропкою.
Не по своей вине наш брат и слеп и хром.
Пусть солнца луч блеснет пред темною толпою.
Нам тяжко, а слепым — им тяжелей вдвойне.
Кнут, коим били нас, гулял по их спине,
И ту же, что и мы, они испили чашу.
Так пусть же, братья, в эти дни
Плоды свободы, радость нашу,
Прозрев, разделят и они, —
Разделят и поймут, идти с кем надо в ногу,
Чтоб выйти на простор, на светлую дорогу.

Демьян Бедный

перестаёт существовать, превратившись в республику, руководимую Временным правительством. Свершается буржуазная революция, отвечающая интересам российских промышленников и предпринимателей, а также либеральной интеллигенции. В то же время воюющая армия лишается тыла. Наша армия была предана российской буржуазией, а воинственные заявления Милюкова и Керенского не искупали неспособность Временного правительства руководить государством. Очень точно выразил ощущение этой войны Велимир Хлебников:

Падают Брянские, растут у Манташева,
Нет уже юноши, нет уже нашего.

Прав был Карл Маркс: «Капитал источает из всех своих пор кровь и грязь». Гибель армии происходила на фоне биржевой игры тогдашних олигархов. Сплочённой, единой была Россия в 1812-м и 1941-м — потому и побеждала в Отечественных войнах. Первая мировая (её тогда тоже называли Великой Отечественной) окончилась распадом Российской империи. И патриотический подъём, характерный для первых месяцев той войны, уступил место прямому и косвенному дезертирству. История журнала между тем продолжалась. «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...» Наш замечательный кукольник и педагог С.В. Образцов вспоминал об этом времени: «Пусть сейчас в квартире нет электричества, а горят маленькие копилки. Будет сплошная электрификация по всей стране. Будет. Будет. Будет всё, о чём мечтаем. Будет»¹.

1

Все мы знаем и о приезде Ленина в Россию, и о его злоключениях летом 1917-го, и о появлении в октябрьском Петрограде. Залп «Авроры» и штурм Зимнего дворца, эффектно поставленный великим кинорежиссёром С.М. Эйзенштейном к десятилетию революции, тоже хорошо известны всему миру. Как смешно после всего этого выглядят попытки иных наших публицистов представить Октябрьскую революцию переворотом, эдаким локальным историческим событием. Революцию можно признавать, можно отрицать, но называть её переворотом — это фактическая ошибка. И в феврале, и в октябре 1917-го в России произошли роковые события, подходящие под определение революционности. Строй, утверждённый Февральской революцией, продержался несколько месяцев. Строй, провозглашённый в Октябре, существовал в нашей стране семьдесят четыре года. За это время на обломках Российской империи было создано новое государственное образование — Союз Советских Социалистических Республик (1922 год), ставший мировой сверхдержавой. И индустриализация, и победа 1945 года, и покорение космоса, и создание социалистической системы от Монголии до Кубы — всё это было в стране Октября, и ни в какой другой. Но, пожалуй, главной заслугой социалистического строя в нашей стране стала реализация новой образовательной политики, в результате которой мы, несмотря на эмиграцию многих тысяч

¹ Образцов С.В. По ступенькам памяти. М., 2001. С. 55.

учёных и деятелей искусства, получили страну с побеждённой неграмотностью и передовой наукой. Поэтому сейчас, в XXI веке, мы считаем целесообразным наименование «Октябрьская революция», а желающие могут присоединить к ней оценочное определение — «Великая». Ведь, называя это историческое событие «переворотом», наши коллеги желают умалить его значение, задним числом унизить всех тех, кто жил идеями той революции. Между прочим, в первом большевистском выпуске журнала революция самим А.В. Луначарским была названа «переворотом», но, разумеется, без уничижительного значения. Просто тогда, поздней осенью 1917 года, многим было не до спора о словах...

В штаб молодого советского просвещения (слово «молодой» вообще оказалось в те годы ключевым для определения сущности нового государства) вошли такие люди, как А.В. Луначарский, А.М. Горький, А.С. Бубнов, Н.К. Крупская, К.А. Тимирязев, М.Н. Покровский, Н.Я. Марр, тот же редактор «Журнала Министерства Народного Просвещения» Э.Л. Радлов. Каждый из этих людей был по-своему яркой личностью. Идеологическую атмосферу того времени создавали и стихи Владимира Маяковского, Демьяна Бедного, молодых комсомольских поэтов и антирелигиозные сочинения Емельяна Ярославского сотоварищи...

По нашему мнению, именно антирелигиозная пропаганда, сопровождавшаяся отвратительными уличными мистериями, была худшим явлением той жизни. Разумеется, Гражданская война (а радикальная антицерковная политика — её следствие) была крайним выражением болезни общества. Болезни, от которой приходилось избавляться жестоким хирургическим методом. Огромный живой кусок российской культуры был отсечён Гражданской войной. Как нужны были России и А.И. Деникин, и И.А. Бунин, и десятки крупнейших учёных, и тысячи боевых офицеров, оказавшихся в вынужденной эмиграции... История не смогла примирить расколотившую страну. Но и в огне Гражданской подспудно уже шло новое, благословенное собрание страны! Любые попытки представить Гражданскую войну борьбой добра и зла, прогресса и мракобесия оборачиваются бессмыслицей. То была всенародная трагедия, обнажившая как благородство, так и жестокость её участников. Мы должны признать, что победа большевиков спасла Россию от подчинения странам Антанты. Советская Россия была враждебна им, пыталась вести самостоятельную политику, что вписывалось в историческую роль России — «Третьего Рима». Именно поэтому в конце 30-х годов И.В. Сталину удалось произвести идеологическую реформу, возродив с учётом интернационалистической политики имперскую идею.

«Учиться, учиться, учиться!..» — этот ленинский лозунг дал ход новым веяниям в образовании, ставившимся более массовым, державшимся как на энтузиазме, так и на принуждении. В.И. Ленин, уделяя просвещению огромное значение, сыграл благотворную роль в судьбе отечественной школы XX века. На IV конгрессе Коминтерна он произнёс: «Важнейшей задачей для нас является сейчас: учиться и учиться...» Для пропаганды просвещения важным был и другой растиражированный афоризм Ленина: «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». Эту фразу Ленин произнёс на III съезде комсомола. Рядом с фигурой Ленина в советской мифологии просвещения стояла фигура Алексея Максимовича Горького, который с колоссальной энергией бросился обогащать общество «знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». В книгоиздании, в организации работы учебных заведений и научно-исследовательских центров в первые годы и десятилетия советской власти роль Горького трудно переоценить. Он понимал, что общество нуждается в целенаправленном вдалбливании простых

«Так не светит в перстенёчке».

В.И. Иконников
1922 г.

и точных догм — таких, как «Любите книгу, источник знаний». Такие действенные сигналы породили энтузиазм учёбы. А для детей выучившихся граждан нового мира эти слова были уже прописными истинами, атмосферой жизни. Эта система работала, и работала успешно. Сейчас, когда перед нами встаёт проблема детской беспризорности и малограмотности, опыт первых послереволюционных лет становится актуальным. Начинать придётся с азов, с простых догм, с использования насилия и энтузиазма... Той «цветущей сложности» школьников и студентов, которая была у нас в 1960-е — начале 1990-х, теперь уже нет. Придётся всё чаще иметь дело с детской агрессией, с детской ксенофобией, с родительским мракобесием. И без опыта Горького, Луначарского, Ленина мы в этой работе не обойдёмся. Как не обойтись в разговоре об эпохе русской революции без суждений её защитников и прокуроров из числа крупнейших наших мыслителей. Есть в нашей литературе и суждения Ивана Алексеевича Бунина, передавшего нам отрицательный опыт в «Окаянных днях». Есть и суждения Александра Александровича Блока, в стихах и публицистике доказывавшего святость роковых лет великого передела.

Идеология светского просветительства, рождённая в XVIII веке французскими, английскими, американскими, русскими философами, естествоиспытателями, писателями, энциклопедистами, органично вошла в интеллектуальный багаж советской элиты, стала «хорошим тоном». В этом тоже мы видим предпосылки скорых успехов отечественной школы — средней и высшей.

2

Начало новой эры в истории журнала ознаменовало обращение «От Народного Комиссара по Просвещению», написанное А.В. Луначарским. Эта концептуальная публикация открыла «Журнал Министерства Народного Просвещения» за ноябрь — декабрь 1917 года. Вот ведь как: Министерства народного просвещения уже не существовало, на смену ему пришёл Народный Комиссариат Просвещения («Наркомпрос», по тогдашней моде на аббревиатуры), а журнал вышел под старым названием. У новых управленцев попросту «не дошли руки» до названия журнала.

На последней странице обложки первого советского выпуска журнала напечатано содержательное объявление: «В 1918 году вместо «Журнала Министерства Народного Просвещения» будет выходить двухнедельный журнал «Народное просвещение», социалистический орган, общественно-политический, педагогический и научный, изда-

ваемый Государственной Комиссией по народному просвещению». В этом уведомлении всё — правда, только двухнедельная периодичность журнала оказалась иллюзией. Гражданская война не позволила сбыться этому плану.

Уже следующий номер, первый номер 1918 года, вышел под новым названием «Народное просвещение». Но выход первого советского номера под старым названием наглядно показывает преемственность разных названий одного журнала. Преемственность, которую мы просле-

«Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял, и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это — истина, не требующая доказательств. К этому положению дел мы должны идти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъемом, и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию и, главное, главное и главное — над поднятием его материального положения.

Надо систематически усилить работу по организации народных учителей, чтобы сделать их из опоры буржуазного строя, которой они являются до сих пор во всех, без исключения, капиталистических странах, опорой советского строя, чтобы отвлечь через них крестьянство от союза с буржуазией и привлечь их к союзу с пролетариатом*.

В.И. Ленин.
«Странички
из дневника»

живаем от 1803 года до современного «Народного образования».

Несмотря на неопределённость ситуации в стране и партии, работники Наркомпроса представили продуманную, зрелую стратегию развития образования, в которой многое оказалось перспективным и нашло воплощение в действительности. А ведь большевики вовсе не были уверены ни в том, что удержат власть до 1918 года, ни тем более в том, что на месте бывшей Российской империи образуется новое социалистическое государство. О построении социализма в «одной, отдельно взятой стране» ещё никто

не говорил, и многие большевики тогда рассматривали Россию как перевалочный пункт к мировой революции. Не всё в психологии революционеров было таким простым и ясным, как это удобно представлять нам, нынешним. Думается, мы должны чтить память о тех большевиках, которые в те чёрные годы незадавшейся германской войны и войны гражданской сохраняли патриотические ориентиры, служили возрождению страны, которое, как мы знаем, состоялось уже к началу 1930-х.

Анатолий Васильевич Луначарский определил «общее направление просветительской деятельности журнала»: бороться с безграмотностью, с детской безнадзорностью, с эпидемиями и грязью. Каждому ребёнку предоставить возможность учиться и соблюдать правила гигиены. Горячая вода и мыло — в каждое учебное заведение!

Читая эти простые, искренние и верные слова, начинаешь понимать «истоки и смысл» побед большевиков: им было что противопоставить демагогии либералов, ассоциировавшихся в обществе с лишениями и поражениями войны, с расцветом спекулянтов и международных олигархов. В их словах о просвещении сквозило лукавство. А Луначарский, обещая победить безграмотность, брал на себя большую ответственность — и, как известно, не оплошал.

В своём обращении Луначарский использует определение «истинная демократия», не употребляя таких понятий, как «диктатура пролетариата». Он пишет:

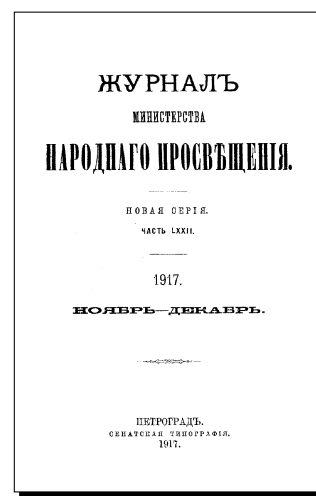
«КАК НИ ПРИШЛОСЬ БЫ УРЕЗЫВАТЬ ДРУГИЕ СТАТЬИ НАРОДНОГО БЮДЖЕТА, — РАСХОДЫ НА НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ ДОЛЖНЫ СТОЯТЬ ВЫСОКО. ЩЕДРЫЙ БЮДЖЕТ ПРОСВЕЩЕНИЯ — ГОРДОСТЬ И СЛАВА ДЛЯ КАЖДОГО НАРОДА. СВОБОДНЫЕ И ПОЛНО-ВЛАСТНЫЕ НАРОДЫ РОССИИ ЭТОГО НЕ ЗАБУДУТ».

Что это — популизм, пустые обещания? А может быть, энергичная борьба наркома за перспективы своего ведомства? Одно ясно: это не отписка бюрократа, а слова энтузиаста. Энтузиазма у Анатолия Васильевича Луначарского не отнимешь. Интересны его рассуждения об «обучении и образовании»:

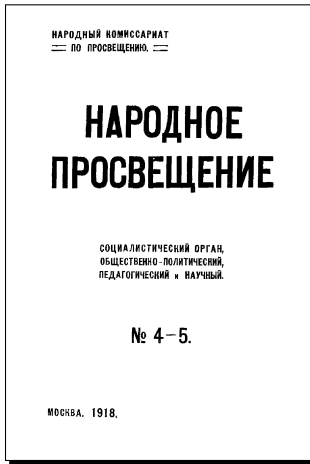
«ОБУЧЕНИЕ ЕСТЬ ПЕРЕДАЧА ГОТОВЫХ ЗНАНИЙ УЧИТЕЛЕМ УЧЕНИКУ. ОБРАЗОВАНИЕ ЕСТЬ ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС. ВСЮ ЖИЗНЬ «ОБРАЗУЕТСЯ» ЛИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ШИРИТСЯ, ОБОГАЩАЕТСЯ, УСИЛИВАЕТСЯ И СОВЕРШЕНСТВУЕТСЯ. ТРУДОВЫЕ НАРОДНЫЕ МАССЫ — РАБОЧИЕ, СОЛДАТЫ, КРЕСТЬЯНЕ — ЖАЖДУТ ОБУЧЕНИЯ ГРАМОТЕ И ВСЯКИМ НАУКАМ. НО ОНИ ЖАЖДУТ ТАКЖЕ И ОБРАЗОВАНИЯ»².

По мнению Луначарского, образования не могут дать человеку ни школа, ни книга, ни театр, ни музей. Они только помогают ему в творческом самосовершенствовании. Образование — это самостоятельный путь к сознательности и гармонии. Здесь Луначарский снова творчески перерабатывает наследие классиков XVIII века.

Тезис Луначарского о «децентрализации образования» можно признать нерелигиозным. Эта часть концепции, к счастью, не была реализована, как никогда не будут реализованы аналогичные идеи А.И. Солженицына. Просвещение осталось делом государственным, а государство — централизованным. Гораздо интереснее глава Обращения, которую Луначарский назвал «Педагоги и общество»: «Первой своей задачей Комиссия считает улучшение положения учителей и, прежде

² Здесь и далее в цитатах из «Журнала Министерства Народного Просвещения» — курсив А.В. Луначарского.

всего, самых обездоленных, и едва ли не самых важных работников культурного дела — народных учителей начальных школ». Упоминается даже конкретная сумма — 100 рублей. До такого уровня, по Луначарскому, следовало поднять ежемесячный учительский заработок. Луначарский написал Обращение 29 октября, а в революционные месяцы обстановка менялась быстро. С улыбкой воспринимается оговорка Анатолия Васильевича: «Несомненно, что Учредительное Собрание начнёт свои работы вскоре. Лишь оно длительно установит порядок государственной и общественной жизни в нашей стране, в том числе и общий характер организации народного просвещения».

Никакой определённости в планах новых властей не было, но нужно признать, что при этом капитальная образовательная программа была подготовлена Луначарским оперативно. Осенью 1917 года в заявлениях Луначарского чувствовалась тревога, но не обречённость. Было, к сожалению, немало сиюминутных заявлений, необходимых для политической борьбы. Скажем, в XIX веке в нашем уважаемом журнале не могли напечатать подобное: «Черносотенный, кадето-эсеровский блок калечит жизнь детей в борьбе за власть. За власть борются с кем? — С Советами Крестьянских, Рабочих и Солдатских депутатов. Кто? — Помещики, капиталисты и находящиеся с ними в коалиции интеллигенты». И цели у Луначарского были благородные — предотвратить уже объявленную забастовку учителей. Конечно, нарком прав: «Мы не можем допустить, чтобы не учились дети, которые хотят учиться сами и о которых делается соответствующее заявление их родителей». И всё-таки тон этот скорее подходит для пламенного выступления с броневика, нежели для публикации в журнале с вековой историей. А может быть, та эпоха и требовала именно таких публикаций? В любом случае эти старые страницы журнала отразили историю, отразили атмосферу первой революционной осени. В этом смысле тот номер журнала — бесценный исторический документ.

По воспоминаниям
Троцкого мы видим,
за что Луначарского ценили
и за что критиковали
ортодоксальные большевики:

«**Б**ыло бы, однако, неправильно представлять себе Луначарского человеком упорной воли и сурового закала, борцом, не оглядывающимся по сторонам. Нет. Его стойкость была очень — многим из нас казалось, слишком — эластична. Дилетантизм сидел не только в его интеллекте, но и в его характере. Как оратор и писатель, он легко отклонялся в сторону. Художественный образ нередко отвлекал его далеко прочь от развития основной

3

Кем же он был — первый руководитель Народного Комиссариата Просвещения, Анатолий Васильевич Луначарский, человек, сыгравший в истории нашей страны такую заметную роль? В своём Наркомате в течение двенадцати лет (с 1917-го по 1929-й) Луначарский успевал руководить «епархиями» как минимум трёх современных министерств: образования, культуры, печати. Лев Давидович Троцкий вспоминал: «Луначарский был на четыре-пять лет моложе Ленина и почти на столько же старше меня. Незначительная сама по себе разница в возрасте означала, однако, принадлежность к двум революционным поколениям. Войдя в политическую жизнь гимназистом в Киеве, Луначарский стоял ещё под влиянием последних раскатов террористической борьбы народовольцев против царизма. Для моих более тесных современников борьба народовольцев была уже только преданием. Со школьной скамьи Луначарский поражал разносторонней талантливостью. Он писал, разумеется, стихи, легко схватывал философские идеи, прекрасно читал на студенческих вечеринках, был незаурядным оратором, и на его писательской палитре не было недостатка в красках. Двадцатилетним юношей он способен был читать доклады о Ницше, сражаться по поводу категорического императива, защищать теорию ценности Маркса и сопоставлять Софокла с Шекспиром. Его исключительная даровитость органически сочеталась в нём с расточительным дилетантизмом дворянской интеллигенции, который наивысшее своё публицистическое выражение нашёл некогда в лице Александра Герцена».

Троцкий прекрасно знал этот «человеческий материал», и его воспоминания о Луначарском довольно точно фиксируют характер и психологию нашего знаменитого революционера-просветителя. Троцкий с некоторой даже язвительностью пишет о «капризах» натуры Луначарского, и перед нами предстаёт скорее хороший министр культуры, увлечённый искусством вообще и новым искусством, в частности, чем образования.

Таким был Луначарский — едва ли не «белой вороной» в Совнарком. Правда, следует оговориться, что «серой массой» советское правительство ни в 20-е годы, ни позже не было. В него всегда входили по-своему яркие личности, вплоть до Алексея Николаевича Косыгина и Андрея Андреевича Громыко.

А.В. Луначарский родился в семье крупного чиновника в Полтаве и с юности был предан революции. Он принимал участие в работе марксистских кружков ещё будучи гимназистом. С 1895 года выпускник Киевской гимназии Луначарский учился в Цюрихском институте, был близок к марксистской группе «Освобождение труда», в особенности — к вождю российского марксизма, Георгию Валентиновичу Плеханову. В университете будущий нарком изучает философию, социологию, естествознание. В том же 1895 году Луначарский связывает свою судьбу с РСДРП, а два года спустя, вернувшись в Россию, входит в Московский комитет РСДРП. В это время Луначарского несколько раз арестовывают — без этого, разумеется, судьбу уважающего себя большевика представить нельзя.

Луначарский, проявляя недюжинные литературные способности, быстро завоевывает авторитет и становится крупнейшим большевистским публицистом. С 1904 года — в эмиграции — преподаёт в пропагандистско-агитаторской школе для рабочих, созданной Горьким на Капри. В это время Луначарский временно расходится во взглядах с вождём большевиков — Лениным, опубликовав двухтомный труд «Религия и социализм», осмеянный и жёстко раскритикованный Владимиром Ильичом. Дело в том, что в этой книге Луначарский выступает основоположником богостроительского течения в социализме. Он доказывает, что социализм — единственный шанс для человечества «войти в землю обетованную». Доказывает, что социализм — творческое переосмысление христианства, кульминация нравственных поисков человечества. По Луначарскому, если христианство было освобождением человека от языческой зависимости, то социализм освобождает человека окончательно, разбивая все оковы. Луначарскому принадлежит идея коллективного коммунистического бессмертия, которая, несмотря на декларируемый в книге материализм, далека от классического марксистского материализма. После критики Ленина Луначарский признал свои богоискательские упражнения ошибочными. Казалось, едва образовавшееся течение было разгромлено. Но это лишь на первый взгляд. С 1980-х годов в КПСС заговорили о свободе совести для коммунистов, популярность получил и тезис «Христос был первым коммунистом», а с 1990-х годов коммунисты открыто заговорили о союзе с Православием, о христианских корнях социалистической идеи. Так что «уклон» Луначарского оказался перспективным.

В мае 1917 года Луначарский возвращается во взвихренную революцией Россию. Именно в это время большевикам, как никогда, нужен этот эмоциональный оратор, умевший зажечь сердца мужественным словом: «Наш долг взять власть в свои руки, как бы безнадежно положение ни было. Пусть мы погибнем, мы будем апеллировать к истории и выполним свой долг...» После июльских событий 1917 года Луначарского обвиняют в государственной измене и он (впрочем, ненадолго) оказывается в тюрьме. В октябре 1917-го, как известно, Анатолий Васильевич входит в первое большевистское правительство. Он считал свою миссию наркома по просвещению ключевой в строительстве нового государства. Луначарский объявляет войну

А.В. Луначарский

мысли. Но и как политик, он охотно оглядывался направо и налево. Луначарский был слишком восприимчив ко всем и всяким философским и политическим новинкам, чтобы не увлечься и не играть ими. Несомненно, что дилетантская щедрость натуры ослабила в нём голос внутренней критики. Его речи были чаще всего импровизациями и, как всегда в таких случаях, не были свободны ни от длиннот, ни от банальностей. Он писал или диктовал с чрезвычайной свободой и почти не выправлял своих рукописей. Ему не хватало духовной концентрации и внутренней цензуры, чтоб создать более устойчивые и бесспорные ценности. Таланта и знаний у него было для этого вполне достаточно. Но как ни отклонялся Луначарский в сторону, он возвращался каждый раз к своей основной мысли, не только в отдельных статьях и речах, но и во всей своей политической деятельности. Его разнообразные, иногда неожиданные качания имели ограниченную амплитуду: они никогда не выходили за черту революции и социализма.

Как пример творчества
Луначарского, мы приведём
отрывок из его статьи 1907 года
«САМОУБИЙСТВО И ФИЛОСОФИЯ»

«В некоторых музеях, — лучше всего в Неаполе, — вы можете любоваться мраморной головой стоика Зенона. Нельзя придумать лучшего выражения кратко очерченной нами мироощущения. Прежде всего поразительная симметрия этой головы, от которой веет геометрией, строго вычисленной пропорцией, словно тело и душа этого человека пропитаны математической размерностью. Но лицо это, кроме того, аскетически худо, и со страшной силой выделяются на нём две напряжённые скорбные складки высокого лба, словно две застывшие волны, образующие острый угол между бровями. Чувствуется, что человек привык, как к обычному состоянию, к напряжению всех духовных сил ради сохранения его величавого покоя. Это — не покой блаженства, расплывающегося в окружающем; это — не покой силы, уверенной в себе; это — покой осаждённого лагеря, знающего, что сильная стража не спит и зорко смотрит во враждебную тьму. Такова стоическая воинственная атараксия.

Но когда мелочи жизни продали серебряную броню, когда бессмысленный, но хитрый находчивостью неисчерпаемой пошлости «дух земли» ставил перед философом дилемму жить ценой унижения или не жить, стоическая философия учила: умри. Умирая, стоики облегчённо вздыхали. Они позволяли себе умереть, взвесивши все обстоятельства. <...> Принцип индивидуальности был для них источником страдания, тяжким бременем, который они несли лишь из чувства долга перед верховным порядком, им было радостно сбросить с себя индивидуальность, отождествиться с целым».

неграмотности и выигрывает её. Победа над неграмотностью, а также развитие трудового воспитания, с помощью которого советская власть дала «путёвку в жизнь» сотням тысяч беспризорных детей, — главные достижения Луначарского в просвещении.

Знали Луначарского и на фронтах Гражданской, где, не уступая в ораторской активности самому Троцкому, он вёл агитацию в качестве представителя РВС. Луначарский, как и Горький, считал необходимым привлекать интеллигенцию к работе в новом государстве. Многих учёных, писателей, артистов он пытался оградить от преследований. В заслугу Луначарскому нужно поставить и организацию культурной жизни страны. Издательства, театры, библиотеки, музеи, кинематограф, выставки, концерты — всё это в Советском Союзе было на высоте, а ведь сколько мастеров покинуло страну, скольких искромсала цензура... Советская культура была жизнеспособной системой, в которой умели заменять незаменимых, используя богатый потенциал нашего многонационального народа. Да, наш первый нарком по просвещению был замечательным министром культуры.

Луначарский никогда не был в оппозиции к политике И.В. Сталина. С середины двадцатых годов он яростно критиковал троцкизм, но тем не менее в канун индустриализации, коллективизации и культурной революции его с почётом отстранили от Наркомпроса. Старый большевик должен был более углублённо заняться теоретической работой. Подтверждением значения Луначарского-теоретика стало избрание его академиком РАН в 1930 году. В «команду Сталина» Луначарский не вошёл, но и врагом вождя не стал. В 1933 году Анатолия Васильевича назначают полпредом СССР в Испании. Но по дороге в Испанию Луначарский тяжело заболел, задержался во Франции и в приморской Ментоне скончался... А.В. Луначарского с почётом похоронили на Красной площади. Прах его и ныне покоится в Кремлёвской стене.

Литературное наследие Луначарского многообразно. Драматургия, поэзия (он был талантливым эпиграммистом), мемуары, литературная и театральная критика, философия, социология... Поражают широкие интересы Луначарского, сочетающиеся, как это отметил Троцкий, с некоторой поверхностностью, но иначе и не бывает у энергичных, вечно торопящихся людей. Скажем, не один раз Луначарский обращался к проблеме психологии самоубийц.

Пускай психологи ищут в этом тексте отражения личности самого Луначарского, а мы намотаем на ус: «Такой у нас был нарком по просвещению!»

И ещё один штрих к портрету Луначарского. Когда в первых числах ноября 1917 года в Петрограде появились слухи о том, что в Москве по указанию большевиков будут разрушены стены и башни Кремля, Успенский и Покровский (храм Василия Блаженного) соборы, Луначарский публично объявил о своём уходе с поста главы Наркомпроса, который занял за неделю до этого. Только после разговора с Лениным, который опроверг подобные намерения большевиков, Анатолий Васильевич изменил решение и продолжил работу в Совнаркоме. Но мы не должны забывать, что ради сохранения памятников нашей культуры этот политик, в которого сейчас нередко бросают камни, был готов поставить крест на собственной карьере.

4

В старые мехи вливалось новое вино. Вместо царских указов теперь публиковались «Декреты и постановления» (так назывался специальный отдел журнала). Первая публикация — Декрет об учреждении Государственной Комиссии по просвещению, которую возглавлял Председатель — народный комиссар по просвещению.

При этом объявляется, что Комиссия «отною не является центральной властью, управляющей учебными и образовательными учреждениями. Наоборот, всё школьное дело должно быть передано органам местного самоуправления». Практика, к счастью, разошлась с этими устремлениями начинающих управленцев. Зато 15 отделов, «возглавляемых лицами по назначению Совета Народных Комиссаров», вскоре, в несколько изменённом виде, стали ядром Народного Комиссариата Просвещения.

Этот список красноречиво свидетельствует о функциях того, ещё только складывавшегося из публицистических эскизов и мечтаний, учреждения. В списке прослеживаются и некоторые любопытные тенденции. Так, например, должное внимание уделяется вопросам медицины и гигиены. Учреждение такого отдела — шаг в духе Вольтера и Дидро. И ведь наличие медика в школе для воюющей в ту пору России было невиданной роскошью. А Луначарский считал, что каждой школе необходим ещё и уголок гигиены, в котором были бы медикаменты, горячая вода, мыло...

И Комиссия, и Комиссариат, и журнал занялись также пропагандой и всесторонней популяризацией культуры. Луначарский распоряжается: «В первую очередь должно быть поставлено дешёвое издание русских классиков». Чтобы облегчить для государства расходы на это предприятие, волевым решением Совнаркома, по сути дела, ликвидировалось авторское право: «Срок посмертного права наследников на творения литературы и науки уничтожается. Сочинения всех авторов, переходящие таким образом из области частной собственности в область общности, могут быть для каждого писателя особым постановлением Государственной Комиссии по просвещению объявлены государственной монополией сроком, однако, не дольше как на пять лет». Конечно, при этом предусматривалось «государственное обеспечение» «детей авторов, сочинения которых переходят в монополию государства».

Впоследствии авторское право в Советской России было восстановлено, но тогда эта мера сильно помогла ликвидации безграмотности. Нужно добавить, что многие наследники русских писателей (например, Толстые) сами проявили сознательность и отказались от гонораров за массовые издания. Что ж, шаг благородный, вполне толстовский по духу и спасительный для отечественной культуры. Посвоему мотивировал отказ от авторского права Александр Александрович Блок:

«У ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЖИВЁТ, ТО ЕСТЬ ДВИГАЕТСЯ ВПЕРЕД, А НЕ НАЗАД, С ГОДАМИ, ЕСТЕСТВЕННО, ДОЛЖНО СЛАБЕТЬ ЧУВСТВО ВСЯКОЙ СОБСТВЕННОСТИ; ТЕМ СКОРЕЕ ДОЛЖНО ОНО СЛАБЕТЬ У ПРЕДСТАВИТЕЛЯ УМСТВЕННОГО ТРУДА; ЕЩЁ СКОРЕЕ — У ХУДОЖНИКА, КОТОРЫЙ ПОГЛОЩЁН ИЗЫСКАНИЕМ ФОРМ, СПОСОБНЫХ ВЫДЕРЖАТЬ НАПОР ПРИБЫВАЮЩЕЙ ТВОРЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ, А ВОВСЕ НЕ СКОЛАЧИВАНИЕМ КАПИТАЛА, НАХОДЯ В ЭТОМ ПОДДЕРЖКУ СВОИХ БЛИЗКИХ, ЕСЛИ ОНИ ЕМУ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО — БЛИЗКИ»³.

Здесь иррациональная логика символиста сочетается с логикой просветителя-революционера. По этой мысли Блока видно, насколько укоренёнными были коммунистические идеи в самых разных слоях российского общества, насколько органически присущи они были многим нашим мыслителям. С другой стороны, опыт противников коммунистических идей не был востребован. Они оказывались чужими в родной стране, одни были физически уничтожены, другие — высланы, третьи, заявив об отказе от своих убеждений, — уцелели.

³ Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М.; Л., 1966. С. 7.

Список этих отделов даётся в Декрете:

- «1) Отдел по введению всеобщей грамотности.
- 2) Отдел автономных высших учебных заведений.
- 3) Отдел министерских учебных заведений.
- 4) Отдел муниципальных учебных заведений.
- 5) Отдел дошкольного воспитания и помощи детям.
- 6) Отдел внешкольного образования.
- 7) Отдел помощи самостоятельным классовым просветительским организациям.
- 8) Научный отдел.
- 9) Отдел искусств.
- 10) Финансовый отдел.
- 11) Отдел статистики и экспериментальной педагогики.
- 12) Отдел технических школ и политехнического образования.
- 13) Отдел по подготовке преподавательского персонала.
- 14) Отдел школьной медицины и гигиены.
- 15) Отдел школьного строительства».

В первых постановлениях Комиссии Луначарского было немало антиклерикальных шагов, знаменовавших окончательное отделение церкви от школы, начавшееся с февраля 1917-го, а как тенденция — с 1905 года... Блок, много говоривший о «божьем начале» в революционных реалиях, так комментировал эту сторону революции: «Почему дырявят древний собор? — Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой»⁴. В то же время поэт писал: «Интеллигенция⁵ всегда была революционна. Декреты большевиков — это символы интеллигенции. Брошенные лозунги, требующие разработки. Земля Божия... разве это не символ передовой интеллигенции? Правда, большевики не произносят слово «божья», они больше чертыхаются, но ведь из песни слова не выкинешь»⁶. Вот они — противоречия революции, свойственные ей от рождения и до сих пор путающие нам все карты.

Заботой Луначарского и его Комиссии было и снабжение школ всем необходимым: учительскими кадрами и книгами, медиками и продуктами питания. Для этого принимались не только пожарные, но и перспективные меры.

Да, в советских учебных заведениях начала двадцатых годов учиться было легче, чем в дореволюционных гимназиях и университетах. Образование демократизировалось, стало доступнее не только в материальном, но и в интеллектуальном плане. Вслед за Лениным и Луначарским людей призывал учиться, например, молодой комсомольский поэт Александр Жаров, автор стихов пионерского гимна «Взвейтесь кострами!» и прекрасной песни, принадлежащей уже ко времени Великой Отечественной войны, «Заветный камень» (музыка Бориса Мокроусова). Но в начале двадцатых Жаров агитировал за науку, именно агитировал:

На лекцию, за книгу, за тетрадь!
Врывайтесь в дебри формул и законов!
Нам надо научиться понимать
Язык ветров и солнца перезвоны.

⁴ Блок А.А. Цит. изд. С. 15.

⁵ Блок здесь употребляет термин «интеллигенция» в расширительном смысле, относя к нему образованных людей разных политических и моральных устоев.

⁶ Блок А.А. Цит. изд. С. 8.

Очень актуальные для послереволюционной эпохи стихи. Стихи, наполненные верой во всемогущую науку. В новую науку, способную создать новую жизнь. А новое — значит, лучшее! — в это правило тогда верили свято. В революционной идеологии находил своё место опыт столетий: богоискательство, богоборчество, рационализм эпохи Просвещения и иступлённая вера русского старообрядчества — всё впитала новая идеология, генезис которой зачастую не осознавали даже её приверженцы.

Продекларированная массовость просвещения стала реальностью. И что же? Вскоре оказалось, что новая, советская, школа и новые, советские, университеты способны поставлять кадры для вполне конкурентоспособных научных лабораторий. И регресса по сравнению с пресловутым 1913 годом не было. Новые, прорывные, авангардные методики образования, активно применяемые в двадцатые годы, показали свою эффективность. Они как нельзя лучше подходили к той социальной ситуации, которая сложилась во время Гражданской войны и сразу после неё. Когда же советская власть окрепла, пустила корни, она стала консервативнее и уважаемее. Со второй половины тридцатых началось новое издание «толстовского классицизма» (аналогия эта, конечно, условна и поверхностна), подходящее к предвоенной ситуации и к идеологической реформе И.В. Сталина, когда была возвращена имперская национальная идея. Здесь требуется существенная поправка: сталинский империализм органично включал в себя интернационализм и именно потому оказался жизнестойким. Живую силу сталинской идеологии должны были чувствовать не только в Москве, но и в Киеве, Баку, Петрозаводске... Не только русские, но и узбеки, грузины, белорусы. Но всё это было позже...

Существенным изъяном образовательной стратегии, представленной Луначарским в первом «советском» номере журнала, был вульгарный социологизм, преодоленный и осужденный в конце 1930-х. Преувеличенное внимание к такому важному, но не всеобъемлющему явлению, как классовая борьба, отрицательно сказалось на разработке программ гуманитарных дисциплин: литературы, истории, философии, даже лингвистических дисциплин. Основоположниками новых наук стали талантливые, но склонные к научному авантюризму учёные: академики Н.Я. Марр, М.Н. Покровский... Это потом сочли, что «школа Покровского являлась базой вредителей, шпионов и террористов, ловко маскировавшихся при помощи его вредных антиленинских исторических концепций». В первые же послереволюционные годы имя Покровского стояло в одном ряду с Тимирязевым и Горьким. В то же время Алексей Максимович Горький олицетворял другую, противоположную, линию в коммунистической идеологии, в идеологии образования: линию освоения классического наследия. И классическое наследие осваивали. Сколько простых рабочих и крестьянских девушек и парней узнали и о Пушкине, и о Гёте, с горящими глазами несли с базаров классические репродукции. Из них-то и выросли многие наши замечательные учёные и военные, инженеры и деятели искусства.

Ещё одна личность, достойная нашего внимания, — это, безусловно, правая рука Луначарского, Правительственный комиссар, член РСДРП с 1902 года, большевик Павел Иванович Лебедев-Полянский (1881—1948). Родился он во Владимирской области, в простой семье, окончил семинарию. Судьба Лебедева-Полянского была характерной для первых лиц той эпохи. В 1917 году — возвращение в Россию из десятилетней эмиграции. Сразу после революции — работа в Наркомпросе, где он руководит литературно-издательским отделом. Вообще Лебедев-Полянский был одним из крупнейших идеологов того времени; он старательно «переводил» наследие мировой, а в особенности — русской культуры на язык марксизма. И удерживался на капитанском мостике нашей новой журналистики вплоть до смерти. В 1946 году, когда Лебедев-Полянский был избран академиком АН СССР, он оставался одним из последних динозавров ленинской эпохи, которого не коснулись «чистки». С 1917-го по 1948-й он успел поруководить крупнейшими советскими издательствами, стать главой Пролеткульта, создателем советской цензуры и руководителем грозного Главлита (1921—1930). Именно этот человек решал, что считать классикой русской литературы, а что — чуждой нам буржуазной (кулацкой) пропагандой. Был он и одним из редакторов Большой советской энциклопедии, подытожившей идеологические наработки первого советского двадцатилетия. Был Лебедев-Полянский и литературоведом, часто писал о новейших произведениях советской литературы, к его мнению прислушивались все наши поэты и прозаики. Знаменитыми стали его книги «Ленин и литература» (1924 г.), сборники литературной критики

«На литературном фронте» (1924 г.), «Вопросы современной критики» (1927 г.). Не без оснований его называют «ортодоксальным марксистским критиком». И такой серьёзный человек встал во главе «Журнала Министерства Народного Просвещения» осенью 1917-го — стал, по новому для тех лет определению, председателем редакционной коллегии. По сути дела, после эпохи Радлова в журнале началась эпоха Лебедева-Полянского, поскольку влияние этого энергичного, постоянно менявшего высокие должности человека не ослабевало более двадцати лет. Умер Лебедев-Полянский, окружённый почётом. Его имя было присвоено Владимирскому государственному педагогическому институту (бывшая учительская семинария), где учился будущий академик. Конечно, и он не избежал опал и строгих партийных проработок, но в целом карьера Лебедева-Полянского была исключительно успешной для революционера. И всё же... Как из песни слова не выкинешь, так и нам нельзя промолчать, что последняя опала нашего героя случилась через добрых сорок лет после его смерти. Демократическая общественность Владимирского университета в 1990 годы убрала его имя из названия своего учебного заведения, оставив, правда, памятник знаменитому земляку перед старинным зданием одного из своих корпусов. Оставим это без комментариев. История — дама беспартийная, и в её реестрах имя одного из создателей пролетарского искусства и борца с литературой эксплуататоров стоит рядом с именами других редакторов нашего журнала — и тех, кто служил идеологии министра Уварова, и проводников толстовского классицизма... Нужно, однако, заметить, что в первом советском выпуске Лебедев-Полянский, несмотря на свою энергичность и авторитет, играл роль технического редактора, эдакого бессловесного организатора. Инициатива была в руках Луначарского, рьяно использовавшего авторитетную трибуну журнала.

П.И. Лебедев-Полянский

5

Войны и революции политизировали школу. Это прекрасно понимал (и пытался использовать!) Павел Иванович Лебедев-Полянский. Партийная поляризация разлагала учебный процесс. Учителя, ученики, не говоря об университетской общественности, подчас занимали активную политическую позицию, устраивали различные гражданские акции. Иногда эта бурная деятельность подменяла саму учёбу. Журнал не мог обойти эту проблему и посвятил ей сразу несколько публикаций в осеннем выпуске 1917 года. Бросается в глаза, что к этой взрывоопасной теме авторы подходят с каким-то двусмысленным лукавством. С одной стороны, они признают правоту давнего тезиса Д.А. Толстого о деполитизированном образовании, с другой стороны — маневрируют, желая использовать учебные заведения в своих политических целях, как поле для агитационной деятельности, как пропагандистский инструмент... С одной стороны, декларируют свободу собраний для учащихся, с другой — говорят о пресечении контрреволюционных настроений в школах и университетах... Думаем, что необходимости в объяснении такого противоречия не было. К 1917 году читатель уже привык к красивым риторическим фигурам, к демократическим заклинаниям и умел, когда это требуется, читать между строк. Шла борьба идей, жестокая и многообразная. В этой борьбе идей — лицо революции и Гражданской войны. Конечно, многие аспекты образования приносились в жертву политической целесообразности. При этом нужно признать, что Наркомпрос, как мог, пытался отстаивать истинные интересы образования.

— 15 —

Каша. Карта. Кит.
Клен. Клин. Колено.
Комар. Консул. Комиссариат. Куртка.
Конница. Коммуна.
Корабль. Конституция. Коммунизм.

Несмотря на партизанские условия выхода в свет этого номера, в нём была довольно представительная подборка научных и научно-популярных публикаций. Традиции радловского и феоктистовского журнала всё-таки продолжались. Изменился стиль статей — теперь в них было больше фантастического, авантюрного, в духе захватывающих публицистических аттракционов Луначарского. Консерваторы, с их традиционной основательностью, были не в чести.

Надо ли говорить о болезненном расколе, который произошёл в учительской и особенно в университетской среде. Закрывались старые, классические факультеты, образовывались новые... Об университетской атмосфере послереволюционных лет вспоминал тогдашний студент Петроградского университета, будущий академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв: «Появились профессора «красные» и просто профессора. Впрочем, профессоров вообще не было — звание это и учёные степени были отменены. Защиты докторских диссертаций совершались условно. Оппоненты заключали свои выступления так: «Если бы это была защита, я бы голосовал за присуждение...» Защита называлась диспутом. <...> Так же условно было и деление «условной профессуры» на «красных» и «старых» — по признаку, кто как к нам обращался: «товарищи» или «коллеги». «Красные», обращаясь к студентам, говорили «товарищи», старые профессора говорили «коллеги». Я не принимал во внимание этого условного признака и ходил ко всем, кто казался мне интересен»⁷.

Так зарождался новый порядок в советской науке, сперва в отрицании всех традиций, а позже — в их развитии на новом историческом витке. Сам Д.С. Лихачёв прошёл все этапы истории советской науки, оставаясь в строю и в то время, когда многие «красные» профессора легко превратились в «белых»...

В журнале «Народное просвещение» трибуна была предоставлена в основном красным профессорам. Те старые специалисты, которые не уехали из России и продолжали работать в традиционной науке, с каждым годом имели всё меньше возможности печататься в нашем журнале. В первые послереволюционные годы Луначарский и Покровский, следуя традициям «Журнала Министерства Народного Просвещения», отводили несколько страниц каждого номера для научных исследований и сообщений, авторы которых вовсе не обязательно должны были быть «красными». Но с середины двадцатых по середину тридцатых годов место традиционной науки в журнале заняла наука авангардная, революционная, призвавшая под свои знамёна студентов и молодых преподавателей, некоторых учёных с именем (например, Покровского и Марра) и, конечно, комиссаров от науки. Так что воспоминания Лихачёва о ситуации в университете отражают и положение дел в нашем журнале.

6

С 1918 года журнал стал называться «Народное просвещение». Таким его и знали читатели до 1931 года, когда он сменил название на «Коммунистическое просвещение». В 1927 году, в октябрьском, ноябрьском и декабрьском номерах, прошла триумфальная публикация «Десять лет журнала «Народное просвещение» (хотя первый номер под таким названием был выпущен в Петрограде только в январе 1918-го). Обновлённый журнал вышел под шапкой Государственной Комиссии по просвещению, на обложке также красовались слова: «Социалистический орган, общественно-политический,

⁷ Лихачёв Д.С. Прошлое — будущему. Л., 1985. С. 23.

педагогический и научный». Именно в таком суматошном порядке. Новые традиции примут классическую ясность не сразу, но уже к двадцатому году на обложку журнала поместят призыв Маркса и Энгельса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», надолго ставший девизом всей советской прессы.

Номер верстался в суровых условиях и вышел худосочным, хотя и считался сдвоенным. Из публикаций следует выделить статью Надежды Константиновны Крупской (1869–1939) «К вопросу о социалистической школе». В поисках новой системы образования Крупская была активным катализатором идей. Разрушая устои и традиции, она не забывала и созидать. Именно в установке на созидание и заключается отличие революционера от демагога. Крупская в течение двух десятилетий оставалась одним из ключевых авторов «Народного просвещения». Не знаю, нужно ли нашим читателям сообщать, что была она женой В.И. Ленина, Председателя Совнаркома и вождя правящей партии большевиков? Кстати, нередко свои публикации она подписывала «Н.К. Ульянова».

Н.К. Крупская

В 3-м номере за 1918 год Крупская публикует статью «О светской школе», а Луначарский — программную работу «Место и роль интеллигенции в обществе». В том же номере был напечатан «Устав Социалистического Союза деятелей по внешкольному образованию». Создание этого Союза — интересный опыт, характерный для первых пореволюционных лет.

Сдвоенный 4–5-й номер вышел уже под шапкой «Народного комиссариата по просвещению». По старой, ещё царских времён, традиции журнал публиковал официальные документы. В 1918 году таковыми были распоряжения Рабоче-крестьянского правительства. Сотрудники Лебедева-Полянского именно так величали ленинский Совнарком. А в 4–5-м номере на девяти журнальных страницах был опубликован документ огромной важности — «Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Первая Конституция нашей страны. В этом ярком историческом документе провозглашались основы нового права — права молодой социалистической страны. Многие в этой Конституции держались на дерзком отрицании прошлого с его законами и традициями. Немногие (хотя и фундаментальные) положения перешли в будущие Конституции Страны Советов. И ещё одним нюансом был знаменателен тот номер: он вышел в свет в Москве. Теперь «Народное просвещение» издавалось в Москве, куда переехали и Наркомат, и редакция журнала. Впредь в выходных данных «Народного просвещения» значилось: Ежемесячный журнал Наркомпроса РСФСР, Государственное издательство, Москва. Иногда к Москве присоединяли и Ленинград, где печаталась часть тиража. Но штаб-квартира журнала находилась в новой старой столице.

М.Н. Покровский

Завершалась Гражданская война. Вокруг журнала образовалась группа постоянных авторов — отцов новой педагогики, новой науки. Неумолимые ниспровергатели дореволюционных реалий: Н. Ильин, Е. Ярославский, В. Познер... С другой стороны, не менее важную роль играли авторитетные представители «старой культуры», принявшие советскую власть и ставшие её апологетами: Валерий Яковлевич Брюсов и Игорь Эммануилович Грабарь. Они (в особенности Грабарь), подобно Горькому, занимали позицию «освоителей классического наследия» и немало преуспели в пропаганде литературы и искусства народов РСФСР и СССР, а также зарубежных образцов. Поэтому двадцатые годы и не стали временем деградации нашей культуры, нашего просвещения. Стали ли они временем прорыва? Вопрос спорный.

Первые послереволюционные годы в России были временем расцвета авангардного искусства, активного применения авангардных технологий в науке, в том числе — и педагогической. Упомянем лишь одну знаковую линию — утверждение и развитие педологии, о которой тогда (в двадцатые годы) на страницах журнала говорили даже официальные лица. Педологические подходы практиковались и во внешкольном, и в школьном образовании. В 1936 году эта комплексная наука о детстве была признана вредной и запрещена.

Пожалуй, самым влиятельным из авторов «Народного просвещения» в 1918–1927 годах был академик Михаил Николаевич Покровский (1868–1932), ярчайший авангардист от науки. Он получил блестящее образование, окончил историко-филологический факультет Московского университета, где рано проявил способности к научной работе. Молодым учёным он вступает в РСДРП, становится большевиком. Его научные работы, в которых исторические процессы процеживаются с марксистских позиций, вызывают противоречивые толки в учёной среде. Марксист Покровский в капитальном труде (1909–1914) «Русская история с древнейших времён» систематизировал историю России, включая конец XIX века.

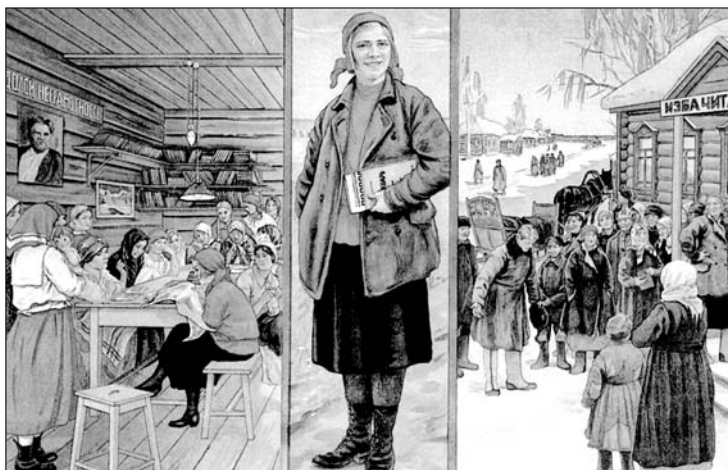
Покровский оказывается в эмиграции, откуда возвращается летом 1917-го. Он принимает участие в октябрьских событиях, чувствуя себя в эпицентре классовой борьбы, — явления, изучению которого учёный посвятил свою жизнь. После революции он — один из лидеров образования, административно насаждавший свои идеи в высших и средних учебных заведениях. Заместитель Луначарского, он занимал ряд важных постов в руководстве просвещением: был руководителем Государственного учёного совета (знаменитого ГУСа), Коммунистической академии, Института истории, Общества историков-марксистов, Института красной профессуры, Центрархива...

В журнале «Народное просвещение» Покровский публикует свои произведения, которые подчас становятся руководящими указаниями работникам образования. Так, строенный из-за нехватки средств первый номер 1920 года открывался письмом Покровского съезду коммунистического студенчества: «Задачи высшей школы в настоящий момент». Надо ли говорить, что описание этих задач стало для делегатов съезда «руководством к действию», ибо перед ними выступал не просто профессор, учёный, а авторитетный большевик, член советского правительства, лидер новой идеологии. Публиковались в журнале и исторические исследования Покровского, в которых марксистский радикализм с годами только крепчал...

С присущим ему темпераментом Покровский рассматривал историю исключительно с марксистских, материалистических позиций. Его афористическая формула ставила идеологию выше исторической правды: «История есть политика, опрокинутая в прошлое». Под руководством Покровского проводились чистки «старой профессуры». Он добился замены школьного курса истории курсом обществоведения, что подчёркивало идеологическую целесообразность изучаемой дисциплины.

Убеждённый большевик, Покровский утверждал утилитарное отношение к науке, да и к иным видам творчества. О своей родной исторической науке он писал категорично: «Правильное понимание русской истории может опираться только на понимание её Лениным». Умер Покровский победителем, но во второй половине 1930-х его учение было подвергнуто ревизии. И, как мы помним, последователи Покровского были объявлены международными преступниками, врагами народа.

Что же нам делать с Михаилом Николаевичем Покровским, опубликовавшим в журнале «Народное просвещение» десятки работ? Уничтожить его забвением? Шельмовать? Думаем, что опыт Покровского нужно бережно использовать, включать его в наш научный контекст. Да, историческая наука не исчерпывается идеологией и тем более — одной марксистской идеологией. А возможно развитие гуманитарной мысли вне связи с действительностью, вне политического контекста? Что же, история должна превратиться в науку о датах и черепках, а филология — в науку о языке и литературных тропах? Но гуманитарная наука без идеологии тоже оказывается опреснённой, ослабленной. Этот элемент, в больших дозах становящийся наркотиком, в нужных пропорциях необходим науке. Дадим этому элементу

«Комсомолка
Дуня»
М.Г. Соколов
1929 г.

**Художник
Александр Михайлович
РОДЧЕНКО**

Ярким подтверждением развития авангардных направлений искусства в послереволюционной России было и сотрудничество Александра Михайловича Родченко с журналом «Народное просвещение».

Художник Александр Михайлович Родченко (1891–1956) был одним из ярчайших явлений мирового искусства двадцатых годов. Да-да, именно двадцатые годы были его звёздным часом, именно их ритм в наибольшей мере соответствовал художественному стилю Родченко. Александр Михайлович родился в Москве, в семье театрального бутафора. В 1910–1914 годы учился в Казанской художественной школе у Н.И. Фешина, затем поступил в московское Строгановское училище. В первые месяцы войны был призван в действующую армию. Вернувшись с фронта, в 1916 году Родченко снова поселился в Москве, где познакомился с В.Ф. Степановой, которая стала его женой и, как это принято говорить, «соратницей по искусству». Родченко занимался станковой живописью и графикой, поначалу испытывая огромное влияние Казимира Малевича. Первым работам Родченко, по-

имя М.Н. Покровского — неутомимого академика классовой борьбы. В переломные годы истории от науки подчас требуется публицистическая актуальность. И для журнала «Народное просвещение» в целом характерно движение от академизма прежнего «Журнала Министерства Народного Просвещения» к злободневным тезисам, подчас митинговым, подчас — накрепко привязанным к текущей политической жизни... Станем ли отмахиваться от этой исторической реальности со снобистскими всхлипами?

Да, для журнала «Народное просвещение» 1918–1927 годов было характерно обращение к «боевым» политическим реалиям. В третьем номере журнала за 1918 год выходит обращение «От народного комиссара по просвещению. К учащейся молодёжи», написанное Луначарским (кстати, и Луначарский, и большинство высших советских чиновников вплоть до 1950-х годов свои речи и труды писали самостоятельно). В то время молодое пролетарское государство ощущало острейшую нужду в пополнении Красной Армии, основанной, как известно, 23 февраля 1918 года. И Луначарский пишет: «Мы, Комиссариат просвещения, знаем, что есть много горячих сердец, бьющихся светлой любовью к делу трудящихся и среди учащейся молодёжи, учеников старших классов средних учебных заведений и студентов университета и др. высших школ, и мы призываем их идти рядом с рабочей молодёжью и стать оплотом против империалистического зверя». Так, в экстремальных условиях 1918 года журнал «Народное просвещение» кричал о насущных государственных нуждах, участвовал в спасении страны. «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо...» — скажет Маяковский несколько позже.

7

В 1921 году Лебедев-Полянский перестал непосредственно руководить журналом, оставаясь при этом фигурой влиятельной. Теперь сотрудники «Народного просвещения» подчёркивали коллегиальность управления. Но всякая коллегиальность рано или поздно оборачивается междуцарствием. Руководителем журнала становится Иосиф Исаевич Ходоровский, бывший член Реввоенсовета фронтов Гражданской войны. В 1924 году его сменил Моисей Соломонович Эпштейн — новый капитан журнала (1890–1938, расстрелян, в 1956-м — реабилитирован). К руководителям можно смело отнести и Н.К. Крупскую, которая вмешивалась в политику наркомпросовского органа во все переломные моменты.

В 1922 году вышел сотый номер «Народного просвещения». По этому случаю некий «т. Кронин» опубликовал статью «Сто номеров», в котором со знанием материала охарактеризовал первое пятилетие советской истории журнала: «Почти одновременно с Наркомпросом родился он на свет, вместе с ним перекочевал из Петербурга⁸ в Москву, вместе с ним переживал медовый месяц ярких лозунгов, сияющих надежд и гордых деклараций... Вместе боролся за их осуществление, волновался,

И.И. Ходоровский

⁸ Т. Кронин ошибается: журнал «Народное просвещение» в 1918 году перекочевал в Москву не из Петербурга, а из Петрограда. (Прим. В.Ч. и А.З.)

М.С. Эпштейн

страдал, отражая все достижения и все нестроения на своих страницах. Пульс просвещенческой жизни не переставал биться в журнале — то слабее, то отчетливее по мере усиления и ослабления притока жизненных средств к Наркомпросу». Всё так. В обозрении Кронина — ещё не рассеянный дух того времени.

Интереснейший сюжет, прошедший в журнале в те годы, — это организация «Союза учителей-интернационалистов». Показательно, а для нас — поучительно, что перед возникшим в 1917 году Союзом стояли не только тактические узкопартийные («Развитие в своих членах и учащих классового самосознания») и узкопрофессиональные («Создание свободной школы») задачи.

Большевикам хватило мудрости выдвинуть и важнейшую стратегическую задачу: «Поднятие уровня культуры народа». Как нам сегодня не хватает такой широты взгляда! Мы тешим себя иллюзией, что с повышением зарплат и пенсий (т.е. ставя перед собой только тактические задачи) все наши проблемы будут решены.

С 1923 года наш журнал, преодолев опыт еженедельного и ежедвухнедельного издания, становится ежемесячным. В № 3 за 1924 год была опубликована пламенная статья А.В. Луначарского «Какой педагог нам нужен», в которой утверждалось: «Мы не требуем, конечно, чтобы каждый учитель был партийным коммунистом, но познакомиться как можно лучше с основными идеями нашей партии, с идеями великого Ленина, с ходом и целями нашей революции каждому учителю абсолютно необходимо. Надо прямо сказать: человек, не сочувствующий этим грандиозным, истинно человеческим целям, будет всегда плохим учителем».

То была эпоха максимализма. И в этих условиях складывался культ В.И. Ленина. Конечно, в те годы не один Маяковский восклицал: «Кто же удержится, чтобы славу нашему не воспеть Ильичу?» Мало кто удерживался. Заметим, что после смерти Ленина и помещения его бальзамированного тела в Мавзолей культ вождя многократно усилился. Психологическая тяга нашего народа к власти высокого авторитета в дальнейшем была использована И.В. Сталиным. Но здесь мы забегаем вперёд, ведь разговор идёт о ленинском периоде. Глава государства, Председатель Совнаркома Владимир Ильич Ульянов-Ленин (1870–1924) выступил на страницах «Народного просвещения» в феврале 1920 года (тогда журнал выходил еженедельным приложением к газете «Известия») со статьёй «Вопросы просвещения в печати». Ленинская концепция народного образования, внешкольного, школьного и высшего, семь десятилетий вдохновляла учителей и исследователей, обильно цитировавших классика. Но и сейчас, когда, по выражению Д. Волкогонова, в нашем обществе «пала ленинская крепость», споры вокруг роли ленинского наследия в актуальной образовательной политике не прекратились. Симптоматично, что и наш журнал неоднократно обращался к этой теме.

С 1923 по 1925 год в «Народном просвещении» появилось немало публикаций, посвящённых адаптации советского образования к новой экономической политике, плохо сочетающейся с идеологией большевиков, от которой никто отказываться

ХУДОЖНИК А.М. РОДЧЕНКО

лучившим известность, свойствен крайний минимализм художественных средств: «Побеждающее красное» (1918 г.); «Чёрное на чёрном» (1919 г.). Свои картины строгий рационалист Родченко создавал с помощью циркуля и линейки — как чертежи. В 1917 году поиски новых форм привели художника к освоению трёхмерного пространства. Вместе с Г.Б. Якуловым и В.Е. Таглиным Родченко оформляет кафе «Питтореск». И эта оригинальная работа стала прорывом в новое искусство — конструктивизм, стиль, наиболее точно выражающий эстетику двадцатых годов. Родченко моделировал мир будущего, мир, преображённый революционными изменениями. Он обращается к производственному искусству, кино и театру, создаёт мебель и костюмы для театральных постановок, работает в сфере книжной и журнальной графики (был автором художественного оформления двенадцати книг Маяковского, альбомов «Красная Армия» и «Беломоро-Балтийский канал имени И.В. Сталина»). И ещё — Родченко был одним из создателей советской рекламы, его плакатами украшали Москву в 1920-х. Родченко увлекается и фотографией — создаёт портреты и фоторепортажи. Его фотопортреты Маяковского и репортажи

**ОБРАЩАЕМ
ВНИМАНИЕ !**

с демонстраций и парадов двадцатых годов вошли в историю искусства.

Александр Михайлович Родченко стал создателем своего целостного стиля, вдохновляющего новаторов разных специальностей уже девятый десяток лет... После Октябрьской революции, которую Родченко воспринял с восторгом, он поступил на службу в Наркомпрос к Луначарскому, в Коллегию по делам изобразительных искусств. Там художник работал до 1921 года. Именно в это время он создаёт характерный художественный образ журнала «Народное просвещение», символизирующий торжество советской эпохи. В борьбе старого и нового этот художник — один из самых замечательных сотрудников «Народного просвещения» начала 20-х годов — был всецело на стороне прогресса, в авангарде нового искусства.

не собирался. Как относиться к частному собственнику в советской стране? Как понимать ленинскую трактовку НЭПа? По этому поводу на страницах журнала высказывались А.В. Луначарский, В.М. Молотов, М.С. Эпштейн и другие. Другой важнейшей теме — борьбе с неграмотностью — было посвящено более двадцати статей и заметок в течение первых десяти лет советской истории нашего журнала. И в 1927 году, к десятилетию журнала и советской власти, вышла аналитическая статья Д. Бондарева «Ликвидация неграмотности на пороге десятилетия Октябрьской революции». Без преувеличений можно сказать, что это достижение было краеугольным камнем советской образовательной политики 1917–1927 годов и главной заботой редакторов и авторов журнала «Народное просвещение».

В 1927 году К. Бердников завершил своё обозрение десятилетней истории «Народного просвещения» пожеланиями, некоторые из которых не потеряли своей актуальности и к двухсотлетию нашего издания и, право, как будто вчера написаны: «Во-первых, жить долгие годы и материально благоденствовать. Во-вторых, неизменно повышать качество своей продукции, чтобы глубже вспахать мозги организаторам просвещения. Чем полновеснее зёрна культуры будут разбрасываться журналом, тем обильнее соберём жатву ко второму десятилетию. Третье пожелание — смелее плыть по волнам научно-педагогического и педологического уклонов, разгрузившись от статей организационно-административного характера второстепенного значения... Четвёртое пожелание — увеличить число корреспондентов с мест; нам показалось, что у журнала много корней в центре и мало в провинции. Наконец, пятое, последнее пожелание — немножко потолстеть, но не чересчур: массовый просвещенец толстых журналов боится». Сейчас, конечно, «массовый просвещенец» уже не боится «толстых журналов», но пассаж о «зёрнах культуры» и «жатве» и нынче по-прежнему актуален.

Пройдёт и 1927 год. Великий перелом — курс на форсированную индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию — вскоре преобразил страну. Но и в первое десятилетие советской власти журнал «Народное просвещение», орган Наркомпроса, сыграл государствообразующую роль, участвуя в наиболее успешных и полезных для отечественной культуры проектах советской власти того времени. В 1925 году И.В. Сталин приветствовал съезд учителей: «Фаланга народных учителей составляет одну из самых необходимых частей великой армии трудящихся нашей страны, строящих новую жизнь на основе социализма. Путь, которым идёт рабочий класс к социализму, только в том случае может быть победоносным, если трудовые массы многомиллионного крестьянства будут следовать по нему нога в ногу с рабочим классом, если руководство трудящимися массами со стороны рабочего класса будет проводиться в жизнь неуклонно. Сельский учитель должен знать, что без такого руководства не может быть диктатуры пролетариата, а без такой диктатуры не может быть наша страна свободной и независимой».

Стать одним из звеньев, связующих крестьянские массы с рабочим классом, — вот главная задача сельского учителя, если он действительно хочет служить делу своего народа, делу его свободы и независимости». Так говорил и писал Сталин. Ему предстояло сыграть решающую роль в жизни страны в 1920–1950-е. Но и первое десятилетие советской власти было вехой в двухвековой истории нашего издания.

